

В разумном темпе они вдвоем пробирались по земляным коридорам комплекса, в котором Фуу жила столько, сколько себя помнила. Он был не очень большим, всего несколько комнат с самым необходимым для жизни; на самом деле Фуу точно знала, сколько шагов нужно, чтобы добраться от ее кровати до любой точки комплекса. Ей пришлось слегка прикрыть глаза, когда они вышли на улицу, солнечный свет заставил ее поморщиться после времени, проведенного в подземном жилище.

- Тридцать два шага, сегодня он прошел немного быстрее, - как робкая маленькая девочка, которой она должна была быть, Фуу молча следовала за своим опекуном, пока они пробирались через деревню; конечно, проходя только по глухим переулкам и менее населенным районам. Они не хотели бы оскорблять жителей деревни, заставляя девушку-демона появляться где-либо на виду у публики. Фуу ничего не могла с собой поделать, ее глаза сузились, а кулаки сжались, и она тут же остановилась, заметив, что Каншу оглянулся на нее через плечо.

Наконец они остановились в месте, с которым девушка также была хорошо знакома, на ее "личной" тренировочной площадке. Она снова мысленно фыркнула, единственная причина, по которой это принадлежало ей, заключалась в том, что после использования его один раз никто больше не осмелился бы приблизиться к нему снова. У всех была эта идиотская идея, что они могут "попасть под ее демоническое влияние". С другой стороны, она не могла быть полностью уверена в их мотивах, не похоже, что она разговаривала с кем-либо, кроме своего зрителя, горстки шиноби, с которыми она была вынуждена работать на миссиях, и деревенского лидера Шибуки.

Редкий проблеск надежды однажды проник в сердце Фуу, когда предыдущий лидер деревни скончался от употребления Воды Героя. Она всем сердцем надеялась, что Шибуки будет другим, потому что он был примерно ее возраста, он мог бы испытывать к ней симпатию или просто чувствовать что-то еще, кроме презрения. Она была права, мальчик не ненавидел ее, как большинство жителей деревни; к сожалению, он был слабовольным, им легко манипулировали его советники, и, в конечном счете, ничего не изменилось.

Она вышла на середину поля, заметив царапины на земле, которые можно было бы проигнорировать, если бы она не знала, что это был огромный уплотнительный массив. Это было частью подарка от Конохи для укрепления союза между двумя нациями, предназначенного для сдерживания и нейтрализации Биджу-чакры одним жестом руки. Его гениальность заключалась в том, что он питался той самой энергией, которую сдерживал, поэтому, как только она возвращалась к приемлемому уровню, печать естественным образом отключалась; слишком гениально, чтобы когда-либо придумали идиоты в ее деревне.

Это вызвало еще одну мысленную насмешку: "ее деревня", это было похоже на то, как заключенный говорит "его тюрьма". Эта деревня была ее домом не больше, чем земля, на которой она лежала; она носила повязку только потому, что любые возможные признаки нелояльности были бы жестоко искоренены повторным и болезненным наказанием. Она рассеянно почесала ошейник на шее, который для всего мира казался простым кожаным колье с замысловатым племенным рисунком по окружности. Фуу знала лучше, одним жестом руки она мгновенно послала бы по ее телу достаточное количество электричества, которое, даже находясь под влиянием ее внутреннего демона, вывело бы ее из строя.

В зависимости от количества Чакры, которую Каншу, Шибуки, советники или иногда шиноби, с которыми она была на миссиях, решили использовать на ней, это могло либо вырубить ее, нанести ей болезненный и унижительный шок, либо даже убить ее. Даже ее регенеративные способности не спасли бы ее от огромного количества энергии, которое излучал бы ошейник. Это была ее "страховка", клетка без прутьев и даже ключа; насколько Фуу знала, ошейник снимут только после ее смерти. Может быть, даже тогда, чтобы они тоже могли бы мучить ее труп.

Как только ее обучение было завершено, ее снова провели через уже темнеющую деревню, отбрасываемую тенью от солнца, опускающегося за большое дерево в центре деревни. Для многих это был символ силы и решимости; для Фуу, когда она спустилась в проход прямо у его основания, это было просто еще одним напоминанием о ее заключении. Дверь в ее камеру закрылась за ней с металлическим лязгом, поднос с едой скользнул внутрь как раз перед тем, как она закрылась, снова оставив ее в тишине.

Она сидела на кровати, уставившись в пол; она уже знала, что на полу тридцать шесть плиток; она пересчитывала их сотни раз. На крыше было четырнадцать трещин, три маленьких отверстия в земляных стенах, семь корней, торчащих в случайных местах, и двадцать шесть поцарапанных на ее жесткой металлической кровати. Эта комната была ее домом, это была ее жизнь, это была ее тюрьма. Она прислушалась к удаляющимся шагам Каншу, прежде чем тихо вздохнуть и взять свой поднос с едой.

- Тридцать два шага, - она закончила свою трапезу, только белый рис, который был немного черствым, и несколько сырых ломтиков рыбы, только лучшее для демона. Она поставила поднос на его обычное место, прежде чем лечь в постель, быстро снимая с себя теперь уже потную и грязную одежду. Она закрыла глаза, безуспешно пытаясь найти удобное положение на кровати; когда она снова откроет их, все начнется сначала.

<http://tl.rulate.ru/book/76796/2343979>